

М.А. Гендельманның 110 жылдығына арналған «Сейфуллин оқулары – 19» халықаралық ғылыми - практикалық конференциясының материалдары = Материалы международной научно-практической конференции «Сейфуллинские чтения – 19, посвященной 110-летию М.А. Гендельмана». - 2023.- Т. I, Ч. IV. – С. 77-80.

УДК 727.7

«ЗЕЛЁНАЯ АРХИТЕКТУРА» И НОВЫЙ УРБАНИЗМ КАК ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

Багина Е., кандидат архитектуры, доцент кафедры Городского строительства Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

Аннотация. Идею здоровья города связывают, как правило, с зеленью. Идея жизни на природе и в гармонии с природой высказывалась на протяжении многих веков неоднократно. В XX век экономическая идея Эбенизера Говарда, получившая название «город-сад», утратив свою экономическую составляющую, была реализована в многочисленных проектах и постройках. На протяжении XX века реализованные «города-сады» неоднократно трансформировались, теряя первоначальный смысл. Тем не менее, эта идея остаётся привлекательной. Именно она лежит в основе градостроительной теории Нового урбанизма, обосновывающей строительство небольших городов по принципу исторических поселений с традиционными улицами, площадями, парками, без интенсивного автомобильного движения и промышленности, загрязняющей окружающую среду. Кризис градостроительства и архитектуры движение Нового урбанизма не отменяет и не смягчает. Точно так же не является панацеей от архитектурных и градостроительных «болезней» и так называемая «зелёная архитектура», которая на самом деле подобна фиговому листочку, прикрывающему существующие проблемы.

Ключевые слова. Город. комфорт, «Зелёная архитектура». Новый урбанизм, кризис градостроительства. Кризис архитектуры.

Здоровый город сегодня непременно представляется городом зелёным. Жить в гармонии с природой, на природе - мечта, вряд ли осуществимая в условиях крупного современного города. Может быть, потому она так привлекательна. Проекты осуществления этой мечты разрабатывались со времён античности. Города традиционно представлялись местом малопривлекательным для жизни. Элита могла себе позволить иметь загородные усадьбы и относительно комфортные городские дома. Население, имеющее низкий достаток, веками страдало от скученности и антисанитарии. Реконструкции крупных городов в XIX веке позволили привести в порядок центральную часть, но обеспечить всех жителей, независимо от их достатка, достойными условиями жизни не могли.

Экономическая идея Эбенизера Говарда, разработанная им в начале XX века, заключалась в том, чтобы с помощью системы льготного кредитования и государственного участия в выделении участка земли, переселить людей, не имеющих возможности обеспечить свои семьи достойным жилищем в существующих городах, на природу. Эта идея получила название «город-сад». Она захватила умы архитекторов, градостроителей, предпринимателей, философов в начале XX века. Так или иначе её пытались реализовать на протяжении всего XX века. Но экономическая составляющая идеи Говарда была вскоре забыта, поскольку её реализация напрямую зависела от власти, которой она казалась опасной: Говардовские города-сады должны были иметь самоуправление и финансовую независимость, а это обстоятельство не соответствовало политическим режимам стран, в которых предстояло построить такие поселения. К тому же нужно было вкладывать государственные деньги в выкуп участка, а также строительство автомобильных и железных дорог. Однако идея города-сада пришлась по вкусу крупным промышленникам и промышленным корпорациям, столкнувшимся с социальными бунтами и низкой производительностью труда рабочих, живущих в плохих условиях. Обеспечить своим рабочим «человеческое» существование означало повысить производительность труда и привязать рабочего к предприятию. В европейских странах в первой четверти XX века повсеместно началось строительство рабочих поселков, именуемых городами-садами. Правда, дома в этих поселках выкупить семья рабочего не могла. Можно было жить в хороших условиях до тех пор, пока глава семьи работал на предприятии.

Несмотря на то, что экономическая модель Говарда провалилась, романтическая составляющая его идеи была необычайно популярна в начале XX века. Она нашла отражение в реконструкции старых городов и в проектировании новых. Озеленение улиц, обилие скверов и парков проектировалось повсеместно. Как город-сад был спланирован Александром Таманяном и Николаем Буниатяном Ереван. В плане реконструкции Москвы середины 30-х годов XX века также нашли отражение идеи города-сада. Но ни в Лечворде, ни в Ереване, ни в Барнауле жить в гармонии с природой сегодня не получается.

На самом деле в современных городах, как это ни парадоксально, деревья мешают многим: рекламщикам - закрывают рекламные щиты, автомобилистам - негде парковаться, уборщикам улиц - приходится чистить снег вручную, городским властям - нужно отвечать на письма трудящихся, которые сетуют на плохое состояние зелени и превращение парков в скопище аттракционов и т.п. Мешающая деловой жизни города зелень исчезает, сады и парки, не получающие достаточного финансирования, а, следовательно, и ухода - деградируют.

Пётр I, как свидетельствуют воспоминания его современников, носил в карманах жёлуди и разбрасывал их повсюду. Некоторые из петровских дубов, выросших из этих жёлудей, могли бы дожить до сегодняшнего дня, если бы их берегли. В петровское время людей били батогами за порубку

городских деревьев, но батоги давно отменили [1] Сегодня главными порубщиками деревьев в России стали «государевы люди» - специалисты «Зеленстроя». Это они занимаются так называемым «кронированием». В результате вместо раскидистых деревьев на улицах городов обрубки стволов. Понятно, что спилить полдерева быстрее, а работа как правило сдельная.

Сентиментальные мечты о городе, где живут «на природе» пышущие здоровьем граждане, вечна. Для ознакомления с идеалом утопающего в зелени города можно съездить в городок на острове Шенгшан, что находится в 65 километрах от Шанхая. Но жители покинули его в 1990-е годы. Зелени много, даже слишком много, но в городе невозможно жить, потому что людям нечем зарабатывать на жизнь и не на что строить школы и детские сады [2].

Архитекторы, сторонники «зелёных технологий», призывают проектировать крыши, покрытые травой, озеленять фасады домов и т.п. Казалось бы, на первый взгляд, что такие приёмы увеличивают количество зелени в «каменных джунглях», что это новый путь единения архитектуры и природы. Но встаёт законный вопрос, почему есть стремление спрятать архитектуру под зелёным покровом? «Доктор может похоронить свои ошибки, а архитектор может только посоветовать посадить плющ», - так говорил Фрэнк Ллойд Райт. Можно предположить, что сторонники «зелёной архитектуры» инстинктивно хотят скрыть свою беспомощность, используя зелень в качестве того самого пресловутого плюща, которым Райт предлагал исправлять свои ошибки.

По преданию, Адам и Ева соорудили первую одежду из листьев смоковницы (фики): «сшили смоковные листья и сделали себе опоясания», устыдившись своей наготы. Использование травы, плюща, деревьев в «зелёной архитектуре» тоже можно считать фиговым листом, прикрывающим нищету архитектурной мысли.

«То что архитектура демонстрирует нам успехи - бесспорно. Но это именно успехи в обесмысливании человеческого бытия на нашей планете. ... Выражение "пудрить мозги" впервые обретает свой смысл при рассматривании новых архитектурных проектов. Человек исчезает из самой архитектуры - куда-то уезжает - охота к перемене мест сильнее гения места. Человек исчезает из архитектурной мастерской - тут царит игра в куклы и ползучие растения. Трансгуманизм и трансархитектура ждут нас прямо за углом.» [3].

Растительные мотивы в архитектуре - тема древняя. Это и капители колонн коринфского и композитного ордеров, и растительный декор, и попытки подражать формам живой природы в art nouveau и, наконец, архитектурная бионика, которой были увлечены в 60-х - 70-х годах прошлого столетия многие архитекторы.

Архитектурная бионика декларировала использование законов живой природы, и в отдельном здании и в городе в целом. В XX веке принципы бионики дразнили многих архитекторов, вкладывающих энергию в создание утопических проектов городов. («Биотехнический город» — «Меза-Сити»

Паоло Солери (1960 г.); Проект «Великой Москвы» С. Шестакова (1924 г.) и др.), так и дезурбанистических: (Город на острове Эллис Ф. Л. Райта (1960 г.); «Схема системы поселения, состоящей из «живых клеточек» Эриха Глэдена (1923 г.).

«Зелёная архитектура» как направление развивается с 70-х годов прошлого века. Травяные газоны на крышах, фасады, оплетённые зеленью, дома, похожие на пещеры в зелёных (искусственных!) холмах, вертикальные бульвары в небоскрёбах, озеленённые переходы на уровне n-ного этажа и т.п. Но вот, что заставляет задуматься: в пространстве между небоскрёбами появляются крохотные зелёные островки, созданные по принципам барочного регулярного парка - строгая зеркальная симметрия, газоны, украшенные замысловатыми орнаментами, стриженные деревья (шары, пирамиды, кубы). Что это, как не замещение тех смыслов, которые утратила архитектура. Что это как не попытка подчинить естественное искусственному.

«Зелёная архитектура» стоит дорого и зачастую является игрушкой обеспеченных граждан, которых не слишком много. Для 4 миллиардов городских жителей уделом становится, не «зелёная архитектура, а «зелёные грёзы». Например, небоскрёб Боско Вертикале в Милане доступен избранным, не помышляющим о минимализме в стиле жизни. Зато большинству горожан с низкими доходами вскоре придётся не на шутку задуматься об избавлении от лишних вещей, которые непосильно таскать за собой во время бесчисленных переездов. Становление класса прекариата, представители которого не знают, что такое настоящий дом, - знамение времени [4]. Люди избавляются от лишних предметов, чтобы высвободить место для жизни. «Вещи занимают слишком много места и мыслей, и, избавляясь от них, мы получаем свободное время – например, на общение», - так говорят те, кто считает себя минималистом [5]. Однако «минималисты» обманывают себя, когда рассуждают о лишних предметах. Ведь им зачастую приходится довольствоваться жизнью в многоэтажных «человейниках» , где между домами минимальное расстояние и скудная вытоптанная зелень в небольших дворовых пространствах, забитых машинами. Жить в новых элитных жилых комплексах с зелёными фасадами и травяными крышами им не по карману, в центре с каменной исторической застройкой тоже. Пропаганда минимализма оправдана современными тенденциями городской жизни, так же как оправдана и элитная «зелёная архитектура». Все дело в том, что направление «зелёной архитектуры» возникло на волне общего кризиса современной архитектуры, развивающегося в большинстве стран мира. Зелёная одежда понадобилась для того, чтобы была возможность скрыть под сложностью зелёного убора скудость архитектурной мысли.

Историческая каменная архитектуре не нужна зелёная чадра. Ей хватает визуальной сложности и смыслов, чем не могут похвастаться произведения строительного дизайна, прячущиеся за зелень и в зелень. Каменная архитектура создаётся из материалов, обладающих индивидуальностью. Каждый камень и кирпич отличаются друг от друга,

пусть эти отличия и минимальны. Иосиф Бродский говорит о каменной архитектуре так:

Ты, в сущности, то, с чем природа не справилась.

Зане она не смеет ожидать приплода от валуна,

стараясь прекратить исканья, отделаться от суеты.

Но будущее - вещь из камня, и это - ты [6].

Зелень, живущая рядом с каменной архитектурой, подчиняется законам, которые диктует ей архитектурный стиль. Барочные сады - искусны и искусственны. Представления о порядке, характерные для эпохи барокко, реализуются в них в симметрии и ритмических композициях деревьев и кустарников. Английская поговорка гласит, что признак культуры - это один и тот же газон, который стригут 300 лет. Эти газоны, нужно полагать, рядом с домами, которым тоже не меньше трёхсот лет. Вблизи исторических домов и газонов возникают новые строения, не обязательно конфликтующие со старыми. Смягчает конфликт нового и старого зелень.

Идея жизни в городе со всеми благами цивилизации и в мире с природой не нова. Философы, политики, архитекторы с незапамятных времён тешили себя утопическими проектами. Корбюзье всерьёз верил, что облагодетельствует людей. Отголоски идей «Лучезарного города» есть в реализованных проектах по всему миру. Но чего-то жителям высотных домов, окружённых зеленью, всё-таки не хватает. Одним - естественности природных лесов и полей, другим - исторической памяти, которую несёт каменная архитектура. Те, которым не хватает в городе природы, могли бы жить в своём доме в деревне, но пока что работать он-лайн удаётся немногим, а зарабатывать крестьянским трудом не всем по силам.

Философу и теоретику архитектуры Александру Гербертовичу Раппапорту после посещения маленького латышского городка Кулдига, где многие дома скупил программисты, работающие on line, показалось, что пример Кулдиги обнадёживает, что это может быть новое воплощение идеи города-сада, но на совершенно новом уровне и в иных условиях. Он написал статью «Кулдига - город будущего». «Большим городом стала сегодня вся земля, а большие города вымирают как динозавры. И уже не Хрустальный дворец Гайдпарка (1851) кажется нам образом «города будущего», а лишь сам Гайд-парк – или «город-сад», созданный неподалеку от Лондона по замыслу скромного бухгалтера Эбенизера Говарда. Но не тот «город-сад» который строили Ле Корбюзье и рабочие Маяковского, лежа под старыми телегами в лужах, и не «Лучезарный город» или «Город солнца» (то ли Кампанеллы, то ли Леонидова), а живой небольшой, вечно молодой и вечно старый Гороховец, Марбург, Кулдига. Новые племена начали растекаться по планете, племена ученых и художников, фотографов и поэтов, генетиков и философов, русских и испанцев, китайцев и казахов, французов и исландцев, осваивая заново места своих далеких предков и возвращая молодость местам не топотом сандалий празднующихся туристов, а свежим ветром идей и мысли о будущем, которое нам еще никогда не снилось и о человеке, который еще только просыпается в людях»

[7]. Эти строки Александра Гербертовича напоминают фантастические романы.

Хотелось бы, конечно, чтобы города тонули в зелени, обладали исторической памятью, обеспечивать жителей работой и развлечениями. Желательно, чтобы в них вообще не было машин, только велосипедисты и пешеходы. Но идеал потому и идеал, что практически недостижим. Разве что в «зелёных» мечтах или проектах лидеров нового урбанизма.

Новый урбанизм - архитектурная идея рубежа 1970-1980-х годов к середине 90-х годов XX века сформировавшая свою теорию и даже реализовавшую её в постройках. Рождение Нового урбанизма случилось на рубеже 1970-1980-х, а к 1996 г. движение полностью оформилось с теорией, институтами, постройками. Истоки Нового урбанизма берут начало в идее города-сада Говарда, с одной стороны, с другой в ансамблях City Beautiful начала XX века. Авторами термина стали Дюани и Плате-Зайберк (архбюро D.P.Z.), которые сформулировали основные положения Нового урбанизма. Известный английский архитектор Леон Крие по заказу принца Чарльза Уэльского, нынешнего короля Карла У, спроектировал город Паундбери в Дорсете, Великобритания (1988 г.). Проект был реализован. Паундбери оказался жизнеспособным. Принц Чарльз изложил свои «10 принципов» в книге «A vision of Britain» (1989), а Крие свою градостроительную теорию — в книге «Архитектура: выбор или судьба» (1996).

Новый урбанизм означает, что проектируется компактное поселение с традиционной планировкой - радиально-кольцевой или квартальной, есть центральная площадь и привычные для исторических городов улицы с парадными фасадами домов; все необходимое для жизни находится в пешеходной доступности или в первых этажах жилых зданий. Жители представляют собой сообщество, а в архитектуре предпочитают классику и вернакуляр, то есть постройки в местных традициях из местных материалов. То есть, по сути, речь идет о хорошо забытом старом городе. Что же тогда нового в Новом урбанизме? Почти ничего, кроме того, что новые тенденции цифровизации могут снова позволить жить в городе с классической каменной архитектурой без суеты мегаполисов. Но не все так просто. Никто не отменял социальное неравенство и растущее население планеты. Казалось бы Новый урбанизм - благо для всех. Но это иллюзия [8-10].

Выход из кризиса архитектуры и градостроительства, который признаётся теоретиками архитектуры и философами, пока не найден. Компромиссные варианты, такие как «зелёная архитектура и Новый урбанизм пока для избранных.

Список литературы

1. М. Тиника. Город-сад: как в Петербурге за 300 лет исчезли деревья. - <https://www.nkj.ru/archive/articles/33498/> (Обращение 1 февраля 2023 г.)

2. Город-призрак в Китае, который поглотила зелень. -https://ru.espresso.tv//gorod_pryzrak_v_kytae_kotoryu_poglotyla_zelen_kak_on_v_y.(Обращение 27 февраля 2023 г.)

3. А.Г. Раппапорт. Кризис архитектуры или кризис человека?.-http://papardes.blogspot.com/2018/11/blog-post_5.html (Обращение 1 марта 2023 г.)

4. К. Лидин. Города прекариата [Текст] / Проект Байкал, № 57 стр. 70. -<http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/issue/view/98/PB57> (Обращение 3 марта 2023 г.)

5. Минимализм как путь к счастью. -<http://www.psychologies.ru/story/minimalizm-kak-put-k-schastyu/> (Обращение 24 февраля 2023 г.)

6. Иосиф Бродский. Архитектура (1983 г.) -<http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7835> (Обращение 10 февраля 2023 г.)

7. А.Г. Раппапорт. Кулдига - город будущего. -http://papardes.blogspot.com/2012/07/blog-post_23.html (Обращение 10 февраля 2023 г.)

8. Копылова Л., Экопоселение Паундбери [Текст] / Журнал «Проект Россия», - 2014. - № 71, «Эко».

9. Duany, A., E. Plater-Zyberk, R. Alminara. The New Civic Art: elements of town planning [Text]: New York: Rizzoli. - 2003.- 135 с.

10 Ревзин Г. Как устроен город будущего [Текст]: Издательство Strelka Press.- 2022.- 216 с.